

**АСКРИПТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ
КАК ПЕРФОРМАТИВНЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ ***

В статье представлено исследование перформативного употребления аскриптивных юридических выражений через анализ основных положений теории речевых актов. Выявленные онтологические свойства аскриптивных выражений указывают на необходимость реконструкции теории речевых актов.

Ключевые слова: аскриптивные выражения, дескрипции, перформативы, констативы, речевые акты.

Юридический язык как совокупность юридических понятий, обособленных в суждения, имеет свои эмистемологические особенности, отличающие его от обыденного языка. Право является весьма «запутанным» вариантом человеческой речи, и чтобы понять его свойства, необходимы особые методы объяснения, способные обеспечить общую теорию права соответствующим аналитическим инструментарием. Экспликация онтологических характеристик аналитической юриспруденции необходима и имеет важное эвристическое значение, поскольку указывает не только на области пересечения общей теории права и аналитической философии языка, но и демонстрирует применимость методологии аналитической философии к познанию правовых явлений.

В этой статье представлена попытка исследовать перформативное употребление аскриптивных юридических выражений через анализ основных положений теории речевых актов. Подобная исследовательская стратегия позволит, во-первых, на основании реконструкции теории речевых актов доказать, что аскриптивные правовые вы-

сказывания представляют собой особый вид перформативных выражений; во-вторых, выявить их основные онтологические свойства; и, в-третьих, обосновать аскриптивное понимание юридического языка.

Дж. Л. Остин при исследовании обыденного языка пришел к выводу, что не все истинные или ложные суждения являются описаниями и что многие высказывания, похожие на утверждения своей грамматической формой, вовсе не предназначаются для сообщения прямой информации о фактах (например, этические суждения). Поэтому многие традиционные философские сложности были следствием ошибки, что за прямые утверждения о фактах ошибочно принимались такие высказывания, которые либо вообще не имеют смысла, либо замысливались как нечто совсем другое [Остин, 1986]. Желая избавить язык от подобной «путаницы», Остин в терапевтических целях вводит (или «вычленяет», выражаясь его словами) различие между высказываниями, которые говорятся, и высказываниями, которые делаются, называя первые – констативными (декларативными, или дескриптивными), а вторые – перформативными.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-33-00343а2), Совета по грантам Президента РФ (МК-270.2011.6) и в рамках государственного контракта на выполнение поисковых научно-исследовательских работ для государственных нужд в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», мероприятие 1.1. Проект «Онтология в современной философии языка» (2009-1.1-303-074-018).

В отличие от констативных, перформативные высказывания не могут быть ни истинными, ни ложными; они используются для осуществления действия, т. е. произнося перформативное высказывание, мы всегда осуществляем некоторый акт, или выполняем некоторое действие [Остин, 2010]. Таким образом, перформатив является одновременно и действием и высказыванием, а принципиальным отличием перформативного высказывания от констативного является сложность его верификации, при этом перформатив можно проверить только с точки зрения его правильности или неправильности.

Как нам определить, какое высказывание является перформативным? Есть два способа его идентификации: 1) высказывание начинается либо глаголом в первом лице единственного числа настоящего времени, либо местоимением первого лица, за которым следует глагол; 2) в высказывании используется глагол в пассивном залоге во втором или третьем лице настоящего времени. Но при «вычленении» перформативов, используя эти «нормальные формы», мы сталкиваемся с определенными трудностями. Например, высказывание «Сим Вас предупредили», по-видимому, должно быть отнесено к констативным высказываниям (так как глагол употреблен в прошедшем времени), но оно предполагает совершение определенного действия по предупреждению кого-то от чего-то. Кстати, подобные способы тестирования перформативных высказываний неприменимы и к юридическим выражениям, как мы сможем убедиться ниже. Устранить подобные сложности можно через допущение, что перформативное высказывание предполагает использование «эксплицитного перформативного глагола». Однако явное присутствие в выражении «эксплицитного перформативного глагола» не всегда обязательно. Так, например, такие выражения, как «Собака!» или «Закрой дверь!» лишь предполагают имплицитное присутствие перформативного глагола, необходимого для выполнения акта предостережения, поскольку мы можем также сказать «Осторожно, здесь находится злая собака!». Поэтому главным образом контекст, в котором произносятся слова («Собака!», «Стоять!», «Руки вверх!» и т. д.), может нам ясно подсказать, как эти слова

следует понимать: как описание или как предостережение, или приказ.

Однако такое высказывание, как «Я констатирую Вашу правоту», которое внешне, т. е. по своим грамматическим признакам, выглядит констативным, приводит к выводу, что зачастую большая часть, если не все, констативные высказывания являются перформативными, и при их произнесении мы совершаем такие же действия, как когда отдаем приказ или предупреждаем. Эти высказывания, объединенные в одну группу речевых актов, именуются иллокутивными актами и противопоставляются перлокутивным актам, основная задача которых воздействовать на адресата с определенной целью. Остин не дает полного определения иллокутивного акта, указывая лишь на то, что осуществление локутивного акта является осуществлением иллокутивного акта [1986], т. е. осуществление какого-то акта в ходе говорения в противоположность действия самого говорения. Поэтому для определения иллокутивного акта нам необходимо выяснить, какую именно локуцию мы используем: спрашиваем, отвечаем, предупреждаем, информируем и т. д. Подобная неопределенность понятия иллокуции вызвала необходимость ее доопределения. П. Ф. Стросон обобщает рассуждения Остина в четырех основных положениях [2010]: 1) чтобы знать иллокутивную силу высказывания, мы должны знать, как сказанное задумывалось, или как произнесенные слова были использованы; 2) локутивный акт является актом произнесения чего-либо; иллокутивный акт – это акт, который мы осуществляем при произнесении чего либо, т. е. это то, что мы делаем при произнесении того, что мы произносим; 3) чтобы выступать в качестве эксплицитного перформатива, глагол должен быть оформлен в первом лице настоящего времени изъявительного наклонения; 4) иллокутивный акт – это конвенциональный акт (тезис подтверждается множеством юридических примеров), в отличие от перлокутивного акта, который не является конвенциональным. Именно для уточнения последнего утверждения в теории речевых актов было введено понятие намерения, которое придало уверенности в различении конвенциональных и интенциональных (неконвенциональных) актов. Так, Стросон, привлекая для анализа речевых актов аргументацию Г. П. Грайса относи-

тельно значения языковых выражений [2010], указывает, что лишь некоторые иллокутивные акты (а не все, как указывает Остин) являются конвенциональными, только в том смысле, что для их реализации необходимы *экстралингвистические* соглашения. Из чего делается вывод, что основные речевые акты по существу вообще неконвенциональные, так как наличие языковых конвенций является случайным фактом. Подобное допущение Стросона позволит нам отметить неубедительность аргумента Остина, что иллокутивные акты являются конвенциональными лишь в том случае, когда они могут быть эксплицированы при помощи соответствующих форм первого лица, а также признать неверным, что подобной перформативной формулы не существует для перлокутивных актов.

Необоснованность выводов Стросона и Грайса об ограниченной конвенциональности иллокутивных актов привело Дж. Сёрла к выводу, что деление на интенциональные и конвенциональные акты не имеет никакого эпистемологического значения [2010], поскольку оно основано лишь на неправильном понимании идеи Остина о различии между иллокутивным пониманием (т. е. пониманием высказывания) и перлокутивным воздействием (эффектом). Сёрл указывает, что желаемое воздействие значения чего-либо заключается не в том, чтобы вызвать речевой отклик у слушающего или сделать так, чтобы он повел себя определенным образом, а в том, чтобы ему стали известны иллокутивная сила и пропозициональное содержание высказывания. В этом смысле некоторые речевые акты (например, утверждение или обещание) могут быть осуществлены только в системах «определяющих» (конститутивных) правил, а языковые конвенции (например, в естественных языках) реализуют эти глубинные определяющие правила (тем не менее остается непонятным, чем критикуемые Сёрлом конвенции Стросона отличаются от его конститутивных правил, реализуемых при помощи этих конвенций). И если иллокутивный акт успешно осуществлен (например, выполнены обязательства, возникшие из договора), то правило служит только для того, чтобы обеспечить достижение перлокутивного эффекта, т. е. перформативный глагол обозначает выполняемый акт, если эксплицитное намерение говорящего было реализова-

но (намерения, скрытые в значениях, являются перлокутивными). Поэтому следует заменить понятие конвенции понятием правила, что позволит показать, что иллокутивный акт есть действие, подчиняющееся правилам. Сёрл отказывается от понятия локуции и указывает на то, что верифицируемой может быть только пропозиция, порождаемая перформативом. Поэтому пропозициональный акт включает в себя как акт референции, т. е. привлечение в зону рассмотрения определенных объектов, так и акт предикации, т. е. приписывание свойств этим объектам.

Проанализировав некоторые аспекты теории речевых актов Остина, Стросона и Сёрла, обратим наше внимание на возможность трансляции семантической методологии в область юридического языка, что позволит, во-первых, выяснить релевантность и обоснованность отдельных эпистемологических положений этого подхода, а во-вторых, выявить особый статус аскриптивных правовых высказываний Г. Л. А. Харта в юридическом языке.

Итак, если принять во внимание мнение Стросона и Грайса о том, что «явное намерение» говорящего в случае неконвенциональных актов состоит в том, чтобы добиться от слушающего некоторой реакции или выполнения какого-нибудь действия, то такое выражение «Встать, Суд идет!» будет неконвенциональным актом. С другой стороны, в юридическом языке, по сути, все акты являются конвенциональными, так как выполняются в соответствии с конститутивными правилами в духе Сёрла. Но мы видим, что произнесение выражения «Встать, Суд идет!» не требует своим результатом, чтобы слушающему стали известны иллокутивная сила и пропозициональное содержание высказывания (это обусловлено спецификой юридического дискурса), но при этом желаемое воздействие говорящего будет реализовано, так как нежелание повиноваться говорящему может повлечь наступление определенных негативных (юридических) последствий: например, нежелающего повиноваться могут удалить из зала суда. Вообще многие юридические процедуры, которые сопровождаются подобными выражениями, не требуют распознавания интенции или иллокутивной силы высказываний, поскольку в юридическом языке есть такая максима, как *Ignorantia legis non est argu-*

mentum. Поэтому если воздействие реализовано (эксплицитный перформативный глагол указывает на реализацию намерения, т. е. на выполнение акта), то перлокутивный эффект достигается естественным образом. Как мы видим, наш аргумент, что выражение «Встать, Суд идет!» представляет собой перформативное высказывание с перлокутивным эффектом, ставит под сомнение идею Остина о том, что для многих перлокутивных актов нет соответствующей перформативной формулы 1-го лица, поскольку мы можем сказать: «Приказываю Вам встать, поскольку идет Суд». Однако, по Стросону, эксплицитная перформативная форма может быть названием самого речевого акта (только для конвенциональных актов) в том и только в том случае, если явное намерение говорящего приводит к желательному результату, напротив, для неконвенциональных высказываний эта форма названием вообще быть не может. Следовательно, приведенный нами пример является перформативным конвенциональным актом с перлокутивным эффектом. Этот вывод подтверждает идею Остина об отказе от предложенной им же дихотомии перформатив–констатив, а также опровергает его тезис, что эксплицитный перформативный глагол нельзя обнаружить в перлокутивных актах.

Этот во многом упрощенный анализ применения разработок теории речевых актов к употреблению некоторых юридических предложений указывает, во-первых, на уникальность юридического дискурса, т. е. такие на первый взгляд дескриптивные выражения, как «Встать, Суд идет!», невозможно исследовать без учета соответствующего аналитического инструментария, и, во-вторых, на необходимость допущения особого значения юридических понятий их и онтологических и эпистемологических характеристик. Нам кажется, что наиболее удачной стратегией по экспликации этих свойств у юридических понятий является аскриптивный подход Г. Харта.

Харт выявляет перформативное использование некоторых аскриптивных юридических понятий: «Моя основная цель... – предложить подход, согласно которому философский анализ понятия “человеческое действие” был неадекватен и вводил в заблуждение в значительной степени потому, что предложения формы “Это сделал он”

традиционно считались дескриптивными, тогда как их основная функция, которую я рискну назвать *аскриптивной*, буквально заключается в том, чтобы приписывать ответственность за действия, а основная функция предложений формы “Это – его” заключается в приписывании права собственности» [Hart, 1951]. А логические особенности, которые отличают эти виды предложений от дескриптивных предложений, могут быть лучше всего поняты при рассмотрении определенных особенностей юридических понятий, поскольку они чаще встречаются в юридической практике и процессе, а не в теоретических рассуждениях правоведов о правовых понятиях. Действительно, в юридическом языке имеет место серьезное противоречие между дескриптивными высказываниями, основная функция которых заключается в описании неких фактов совершения действия, подтверждаемых наблюдаемыми проявлениями, и разъясняющих право произнесениями, в отношении которых, в отличие от дескриптивных предложений, невозможно поставить вопрос об истинности / ложности [Оглеzneв, Тарасов, 2010]. Эта идея удачно согласуется с положением Остина, что, произнося перформативное высказывание, мы совершаем некое действие, но не описываем или сообщаем о действии, следовательно, перформатив не имеет и не предполагает истинностной / ложной оценки. Так же как и Остин, Харт пытается выявить существенные (в первую очередь грамматические) признаки аскриптивных выражений и указывает, что «произнося такие предложения, особенно в настоящем времени, мы часто не описываем, но фактически осуществляем или производим некое действие... и когда эти слова употребляются таким способом, они соотносятся с подтверждающими их фактами во многом тем же самым образом, что и решение судьи. Но помимо этого, данные предложения, особенно в прошедшем и будущем времени, имеют многообразие других употреблений, которые в целом нелегко вычленишь из, так называемого, их первичного употребления» [Hart, 1951]. Из этого рассуждения мы можем сделать, по крайней мере, два важных методологических вывода: во-первых, приписывание ответственности или права осуществляется при помощи произнесения; во-вторых, глаголы действия имеют важное дескриптивное употребление осо-

бенно в настоящем и будущем времени, их же аскриптивное употребление применяется в основном в прошедшем времени, где глагол часто и вневременен, и прямо указывает на прошлое, как отличное от настоящего.

По-видимому, чтобы понять значение аскриптивных высказываний в юридическом языке, стоит более подробно исследовать основные признаки юридических понятий. Харт указывает на неопределенность [Харт, 2008] и отменяемость [Hart, 1951] юридических терминов, как на имманентные качества, детерминированные соответствующей правовой системой. Однако, следуя его логике, как нам кажется, аскриптивные юридические выражения должны также характеризоваться и такими свойствами, как контекстуальность и конвенциональность, учет и анализ которых опровергает большую часть критических замечаний, поступивших в адрес аскриптивного подхода Харта, и указывает на неадекватность и некорректность выводов его оппонентов.

Неопределенность юридических понятий. Харт вслед за Дж. Бентамом подвергает сомнению эффективность применения традиционного метода определения посредством *per genus et differentiam* таких юридических понятий, как «объективное право», «субъективное право», «ответственность», «государство» и т. д. Несмотря на известность общего употребления этих слов, оно не понятно, потому что в сравнении с большинством обычных слов указанные юридические термины в различных отношениях считаются «аномальными». Попытки определить эти термины показывают, что они не имеют прямой связи с аналогами в мире фактов, которая есть у большинства обычных слов, для определения которых мы обращаемся к этой связи. Такая техника не может использоваться также потому, что предполагается, что анализируемые понятия не находятся в пределах известного и понятного рода, и следовательно, не могут быть обоснованно изолированы в качестве отдельных слов или выражений, которые могут быть точным образом соотнесены с копиями в мире фактов, а затем дифференцированы от других разновидностей того же самого рода [Hart, 1957]. Напротив, данные условия должны соблюдаться при употреблении таких понятий, как «собака» или «стул». Эти понятия не являются *sui generis*; понятие «животное» является родом для

одного, а «мебель» – для другого, и каждый род известен и понятен. Кроме того, в определенных контекстах понятия «собака» или «стул» могут быть использованы изолированно от целых предложений и более или менее соотнесены с копиями в мире фактов, и только тогда могут быть дифференцированы от других разновидностей того же самого рода. Но что делать с такими словами, как «ответственность», «собственность» или «право»? Для того чтобы объяснить понятия «право», «ответственность» и т. д., необходимо «поместить» эти термины в определенный контекст, например, такого предложения, как «А имеет право требовать от В совершения определенного действия». Как только это выражение будет индивидуализировано, то тогда можно предположить, во-первых, существование отношений между этими субъектами, во-вторых, существование системы права, и, в-третьих, существование такого правила, что В должен сделать кое-что в отношении А. Этот пример, по мнению Э. Симпсона, указывает на то, что юридические понятия гораздо больше «контекстуально обусловлены», чем такие понятия, как «собака» или «стул» [Simpson, 1965].

Контекстуальность юридических понятий. Как было показано выше, юридические термины сами по себе ничего не означают и ничего не описывают подобно словам обычного языка, т. е. не имеют референтов, или *фактуальных аналогов*, как их называет Харт, способных раскрыть их содержание. Следовательно, у метода объяснения, который следует применять к праву, есть некоторые отличительные особенности. Во-первых, юридические понятия необходимо и должно рассматривать в соответствующих контекстах, как часть суждений, сделанных судьей или обычным юристом по конкретному случаю на основании соответствующих правовых норм. Во-вторых, когда кто-то говорит «А имеет право», он не утверждает соответствующую норму и не утверждает или описывает обстоятельства, связанные с этим высказыванием. Он совершает нечто отличное, а именно: *делает вывод* на основании соответствующей нормы. И в-третьих, суждение «А имеет право на то, чтобы В совершил в отношении А определенные действия», сделанное судьей в Зале заседания, имеет, несомненно, отличительный статус от его произнесения

обычным юристом вне суда. Несмотря на кажущуюся схожесть этих двух выражений, принципиальное отличие заключается в порождаемых их говорением юридических последствиях. Однако если эти высказывания делаются не судьей или обычным юристом, т. е. вне юридического контекста, то их значение бессмысленно. Поэтому «мы должны сместить наше логическое внимание с общего на частное и сконцентрироваться не на значении, не на условиях истинности, не на логических отношениях суждений, а на обстоятельствах частного употребления» [Харт, 2009], т. е. при анализе языка нас должно интересовать его использование говорящим, а не содержание анализируемых утверждений.

Конвенциональность юридических понятий. Как мы смогли убедиться, большая часть юридических выражений конвенциональна по своей природе. Но прежде чем выявить их конвенциональный характер, необходимо принять во внимание релевантность юриспруденции следующих утверждений: во-первых, осуществление любого речевого акта (особенно иллокутивных актов) связано с соблюдением или использованием некоторых языковых конвенций (этот тезис Остина пытался опровергнуть Стросон), и, во-вторых, языковые конвенции необходимы для выяснения значения высказывания. Принятие соответствующих конвенций в определенном контексте наделяет произнесение таких выражений, как «Виновен», «Согласен», «Признаюсь», «Встать!» и т. д. особым значением. Следовательно, высказывание, имеющее определенное значение, произнесенное соответствующим лицом в надлежащих обстоятельствах, имеет данную силу вследствие согласованности с этими конвенциями. Несмотря на то, что конвенциональность некоторых юридических выражений несомненна, так как от принятия, признания и согласия определенного лингвистического сообщества по поводу того, что представляет собой правило поведения, зависит эффективность и работоспособность правовой системы, тем не менее иногда могут возникнуть определенные трудности. Например, для убедительного ответа на вопрос «Что есть право?» отсутствуют соответствующие конвенции, способные определить значение термина «право» [Харт, 2007], что порождает некоторые сложности в его употреблении.

Отменяемость юридических понятий. Такие высказывания, как «Это – мое», «Это – твое», «Это – его», «Это сделал я», «Это сделал он» и «Это сделал ты», обычно интерпретируются как дескриптивные или экспрессивные. Но подобная интерпретация искажает перформативную функцию этих высказываний. Если я говорю «Это – твое» о какой-то ценной вещи, то отнюдь не описываю некое положение дел, но приписываю определенные права на эту вещь; аналогично, в судебном решении «Смит виновен в убийстве жены» наблюдается соединение конкретного эмпирического факта (например, того, что он дал жене смертельную дозу яда) и юридических последствий, вызванных этим фактом. «Твое» и «Не твое» не являются дескриптивными понятиями, которые могут быть отвергнуты, а не опровергнуты дополнительными фактами. Дать определение понятию «Твое» возможно лишь при учете его *отменяемого* (defeasible) характера, так как выражение «Это – твое» представляет собой смешение физического факта твоего владения с приписыванием права, если только ты это не украл, или не сделал чего-то такого, что смогло бы поставить под сомнение твое владение [Оглезнев, Тарасов, 2010]. Рассмотрение отменяемого характера правовых понятий помогает объяснить, каким образом высказывания о фактах подтверждают или опровергают правовые выводы, и тем самым интерпретировать фразы, используемые юристами для связи между фактом и законом, когда они говорят о «правовом результате или последствиях фактов», «правовом заключении, выведенном из фактов» или о «последствиях, приписанных фактам» [Hart, 1951]. Поэтому, заключает Харт, все юридические понятия непременно отменяемы; и попытка интерпретировать отменяемость (defeasibility) просто как отсутствие определенных необходимых условий, т. е. интерпретировать все правовые высказывания как дескриптивные, неудачна потому, что она искажает логический характер способов защиты нарушенного права.

Таким образом, в любой социальной системе, в том числе правовой, нормы могут связывать тождественные последствия с любым набором весьма различных обстоятельств. Причем правила этой системы определяют *последовательность* различных действий или состояний дел объединяющим

их способом. Исходя из чего, мы делаем вывод, что первичная функция этих юридических понятий в отличие от обычных дескрипций заключается в том, что утверждение «X имеет право» используется для того, чтобы *действовать* посредством правовых норм, т. е. с помощью правовых норм *делать* вывод, а не излагать или описывать факты. Следовательно, учитывая эти отличительные особенности, юридические понятия могут быть прояснены только рассмотрением условий, где и как они используются характерным для них образом.

Список литературы

Грайс Г. П. Значение говорящего, значение предложения и значение слова // *Философия языка* / Ред.-сост. Дж. Р. Сёрл; 2-е изд. М.: Едиториал, 2010. С. 75–98.

Оглезнев В. В., Тарасов И. П. Аскриптивность как онтологическое свойство юридических понятий // *Вестн. Том. гос. ун-та. Серия: Философия, социология, политология.* 2010. № 4 (12). С. 101–111.

Остин Дж. Л. Перформативы – констати-вы // *Философия языка* / Ред.-сост. Дж. Р. Сёрл; 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2010. С. 23–34.

Остин Дж. Л. Слово как действие // *Новое в зарубежной лингвистике* / Под ред.

Б. Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 22–130.

Сёрл Дж. Р. Что такое речевой акт? // *Философия языка* / Ред.-сост. Дж. Р. Сёрл; 2-е изд. М.: Едиториал, 2010. С. 56–74.

Стросон П. Ф. Намерение и конвенция в речевых актах // *Философия языка* / Ред.-сост. Дж. Р. Сёрл; 2-е изд. М.: Едиториал, 2010. С. 35–55.

Харт Г. Л. А. Определение и теория в юриспруденции / Пер. с англ. С. Н. Касаткина // *Правоведение.* 2008. № 5. С. 6–33.

Харт Г. Л. А. Понятие права. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. С. 302.

Харт Г. Л. А. Сказка логика / Пер. с англ. В. В. Оглезнева // *Вестн. Том. гос. ун-та. Серия: Философия, социология, политология.* 2009. № 4 (8). С. 123–135.

Hart H. L. A. Analytical Jurisprudence in Mid-Twentieth Century: A Reply to Professor Bodenheimer // *University of Pennsylvania Law Review.* 1957. Vol. 105. P. 953–975.

Hart H. L. A. The Ascription of Responsibility and Rights // *Essays on Logic and Language.* 1951. Vol. 7. P. 145–166.

Simpson A. W. B. The Analysis of Legal Concepts // *Law Quarterly Review.* 1965. Vol. 80. P. 535–558.

Материал поступил в редколлегию 10.02.2011

V. V. Ogleznev

ASCRIPTIVE LEGAL STATEMENTS AS PERFORMATIVE EXPRESSIONS

The article studies the performative use of ascriptive legal expressions through the analysis of substantive provisions of the speech act theory. The revealed ontological characteristics of ascriptive expressions testify to the necessity of reconstruction of the speech act theory.

Keywords: ascriptive expressions, descriptions, performative statements, constative statements, speech acts.